

DOI: 10.17805/trudy.2018.3.2

**НЕВЫЯВЛЕННАЯ ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ «ПОДСОЗНАТЕЛЬНОГО»
КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ И УГРОЗА
ОБЩЕСТВЕННОМУ СОЗНАНИЮ: ПОЗИЦИЯ ПЕДАГОГА**

Я. С. Турбовской

*Институт стратегии развития образования
Российской академии образования*

Аннотация: Текст доклада автора на Всероссийской научной конференции «Культура между Логосом и Мифом: к проблеме бессознательного (к 80-летию А. Э. Воскобойникова)», которая прошла в Московском гуманитарном университете 26-27 октября 2017 года.

Ключевые слова: бессознательное; общественное сознание; суггестия; З. Фрейд

**UNREVEALED PARADOX OF THE “SUBCONSCIOUS” AS AN
EPISTEMOLOGICAL WARNING AND A THREAT TO THE PUBLIC
CONSCIOUSNESS: AN EDUCATOR’S VIEWPOINT**

Ya. S. Turbovskoy

Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education

Abstract: The text of the author’s speech at the All-Russian Scientific Conference “Culture between Logos and Myth: on the Issue of the Unconscious (dedicated to the 80th anniversary of A. E. Voskoboynikov)”, which was held at Moscow University for the Humanities on 26-27 October 2017.

Keywords: unconscious; public consciousness; suggestion; S. Freud

Независимо от степени признания аналитическое рассмотрение любой исследуемой проблемы осуществляется с определённых исходных позиций. Естественно, что и проблема «бессознательного» как объект рассмотрения не составляет исключения. Тем более, когда такой позицией является педагогика.

Бессознательное как научная проблема

Невозможно, а точнее — *недопустимо* отрицать право науки на изучение любого явления действительности. И то, что «бессознательное» стало предметом научного познания не только заслуга исследователей, посчитавших необходимым проникнуть в столь сложную проблему, но и признание достигнутых на этом пути несомненных успехов.

Отказавшись от отождествления человеческого сознания с тем, что будет названо «бессознательным», наука, по сути, осуществила исторически неосвоенный прорыв к объективному познанию самого сложного объекта — человека. Причём, именно *научного познания*, не сводимого к самопознанию и неотожествляемого с ним.

И это, как представляется, избавляет от необходимости подробно останавливаться на существующем множестве определений «бессознательного», в самом общем виде понимаемого, как безотчётные поступки и действия человека, не поддающиеся самоконтролю. В конечном итоге, как всё то, что проявляется в человеке произвольно.

Причём, благодаря усилиям многих отечественных и зарубежных исследователей (М. М. Сеченов, З. Фрейд, Л. С. Выготский, К. Г. Юнг, К. Ясперс, Ж. Лакан, Д. Н. Узнадзе, А. Г. Асмолов, А. Э. Воскобойников, П. А. Мясоед, О. В. Скрипниченко и др.) возникла даже методологически обоснованная возможность объединения всего многообразия проявлений «бессознательного» в автономные группы, характеризующиеся типологическими особенностями. При этом исследователи не только установили возможности перехода от сознательного к бессознательному и — наоборот, но и достаточно обосновано рассматривают перспективную возможность путей и методов *целенаправленного влияния на «бессознательное»*.

При этом не только разработана теория и методика психоанализа, изначально призванная помогать излечивать психику больного, но и разрабатывается новая отрасль научного знания **суггестия**¹, суть которой в целенаправленном воздействии на *сознание человека*, при котором происходит некритическое восприятие и психологическое присваивание *даже ранее не свойственных ему желаний убеждений и установок*.

И мне доставляет особое удовлетворение признание значимости вклада, внесенного в познание проблемы «бессознательного» теорией рефлексивного отражения В. М. Бехтерева и теорией доминанты А. А. Ухтомского, сумевших раскрыть объективность существования *физиологического ме-*

¹ Суггестия (от лат. *suggestio* — внушение) психическое внушение, изменение процессов мышления, чувствования и реакций, большей частью не замечаемое тем, кто подвергается внушению со стороны (чужая суггестия).

ханизма приёма и действий информации в человеческом организме, И, конечно, научной концепции Н. П. Бехтеревой о существовании структурных звеньев — жёстких и гибких — мозгового обеспечения информационной регуляции, как представителями отечественной науки и методологической культуры, требующей фундаментальной обоснованности выводов и рекомендаций, адресованных массовой практике. И, как представляется, именно на такой фундаментальной основе разным исследователям удалось буквально пробиться к исторически беспрецедентному научному — но по сей день недостаточно оценённому и, к сожалению, методологически неосмысленному — открытию, обогатившем великую философскую триаду — «*материя*» — «*пространство*» — «*время*» — столь же фундаментально значимой категорией — «*информация*».

И это обогащение не только не свелось к декларативной пафосности, но и получило содержательно-неопровержимое раскрытие объективных особенностей и характеристик *всеобъемлющего проявления информации в реальной действительности*.

Системный анализ позволил выявить и определить эти проявления как основные виды информации, определяющие сказывающиеся на бытии и развитии природы и социума. И проявляется она как:

- *Элементарная*, характерная для неживой природы;
- *Биологическая*, проявляющаяся на молекулярном и клеточном уровнях;
- *Логическая*, как мыслительная деятельность, продуктивно работающая только на уровне сознания

При этом неопровержимо установлено, что *информация* в отличие от этой категориальной триады воспринимается не только принципиально иначе, но и, как правило, *индивидуально*. Что определяется — и совокупностью таких факторов, как: профессия, уровень общего образования, степень культуры, характер, темперамент, возраст, непосредственное окружение, привычки, национальность, жизненный опыт, моральные и психологические установки, пол, внушаемость, искренность, рост, вес, генетика; и как к *пятиуровневая готовность личности* к восприятию научного знания, целенаправленно формируемая только в процессе образования (Турбовской, 2012).

И конечно, особую фундаментальную значимость для углубления научного познания приобретает вывод о *генетическом закреплении* в мозге информационных воздействий в виде ранее не существовавших структурных преобразований.

Таким образом, продуктивность научного познания всего комплекса проблем, связанных с проблемой «бессознательного» не только позволила

проникнуть в закономерностные основы столь сложного явления, но и привела к таким фундаментальным результатам, которые, по сути, гносеологически являются исходными методологическими ориентирами для поступательного развития науки и практики в ХХ1веке.

И именно поэтому можно утверждать, что факт перехода к изучению «бессознательного» объективно становится точкой отсчёта исторической обусловленности возникающей ответственности науки за открывающиеся возможности целенаправленного влияния на человека, но и — в чём происходящее в реальной действительности неопровержимо убеждает — **за его будущее**.

И именно эта — исторически обусловленная обеспокоенность призвана и должна, образно говоря, как «пепел Клааса» (из книги «Легенда об Уленшпигеле») стучать в наши сердца.

Психика и информация, или — не забыть бы о цене

Бесплодность многих дискуссий и даже коллективных обсуждений узких специалистов не без оснований может быть объяснена отсутствием чёткого осознания цели как *результата обсуждения*. И поэтому происходит то, что называется «растеканием мысли по древу», и тем, что не менее образно отражено в известной поговорке — «что у кого болит, тот о том и говорит».

И поэтому, как представляется, дело совсем не в отсутствии единомыслия и требуемого уровня понимания сути проблемы, а именно в изначально разном личностном отношении к цели как результату проводимой дискуссии, да и любого коллективного обсуждения. Не говоря о тех случаях, когда происходящее обсуждение для ряда участников определяется конъюнктурными соображениями. Но даже если конъюнктурность исключить, то их основу определяет и по-разному осознаваемая актуальность обсуждаемой проблемы.

Исходя из такой эклектичности происходящих обсуждений, и вычтуплений в печати, именно содержательная определённость формулировки данной статьи, призвана предельно однозначно выразить и авторский замысел, и цель написания.

А откровенно положительная оценка достижений исследователей «бессознательного», отражающая несомненную продуктивность затраченных усилий, как представляется, позволяет со всей возможной объективностью рассмотреть и другой аспект исследуемой проблемы — её негативные и при этом системно разрушительные для социума последствия.

И с позиции такой социально неотложной цели вот что не может не удивлять. Ведь мы уже, как говорится, всё это проходили. И приобретённый

человечеством опыт о необходимости предельно бережного отношения к природе, казалось бы, должен нас буквально заставить многократно усиливать нашу обеспокоенность и о состоянии природы, и — тем более — о состоянии общественного сознания и психики человека.

Но именно эта озабоченность не только не проявляется, и о себе не заявляет, когда речь идёт о последствиях, связанных с познанием «бессознательного», но и вообще не увязывается с какой бы то ни было ответственностью исследователей, всецело поглощённых фундаментальной значительностью самой проблемы.

И мы, к сожалению, продолжаем походить на тех горе-строителей, которые, прокладывая необходимые электрокабели или что-нибудь ещё более нужное, неожиданно для всех, угрожающе губительно пробиваются в тоннели метро.

И исследователи «бессознательного» не могут проявить обеспокоенности, чтобы нечто подобное не происходило с использованием в реальной действительности выдвигаемых ими идей и практически применяемых методов.

Так введя понятие «бессознательное» в науку, австрийский психолог и психиатр Зигмунд Фрейд (1856–1939) раскрыл трехуровневую структуру психики как:

- *сверхсознательное* — это запреты, нормы, традиции, мораль, законы, общественное мнение;
- *сознание* — ясно осознаваемые мысли, желания и т. д.;
- *бессознательное* — тайные, неосознаваемые желания, мысли, комплексы, автоматизмы.

Но если психиатр З. Фрейд ограничился индивидом, то его последователь К. Г. Юнг (1875–1961) уже исходит из признания «коллективного бессознательного», объективное существование которого определяется сохранением свойств и особенностей его далёких предков. И именно «коллективное бессознательное» предопределяет проявления индивидуальной психики. При этом, между отдельным человеком и другими людьми все время протекают процессы «психического проникновения».

И вот, что особенно важно. Исследование проблемы «бессознательного» психиатрами и психологами, отталкивающихся от бесчисленности конкретных фактов, изначально не было проявлением умозрительного рефлексирования и, как бы, не логически, а жизненно убедительно, становилось ответом на вопрос «что делать, когда откладывать невозможно?» И в результате был разработан *метод психоанализа*, являющийся способом выявления переживаний и действий человека, обусловленных бессознательными мотивами, с целью лечения психических болезней.

В данном случае нет необходимости глубоко вдаваться в теорию психоанализа. Но, как и всякое научное обоснование, психоанализ основывается на выдвинутой его создателем З. Фрейдом гипотезе, суть которой в том, что в человеке изначально скрыт конфликт между его внутренними бессознательными силами, такими как *libido*, Эдипов комплекс и враждебной средой, которая диктует и навязывает ему различные законы и правила поведения.

И именно это предположение, насколько я могу судить, *строго научно недоказанное*, стало основой системной разработки метода психоанализа как способа практического лечения *больных людей*. И уже непосредственно лечебная практика конкретного психиатра как бы становилась критериальной основой научности им же выдвинутой гипотезы и разработанной теории.

К сожалению, приходится признать, что исторически так сложилось, что эмпирически выдвинутая идея или найденное кем-то решение становились — и порой на долгие годы — исходной основой для массовой практической деятельности. Социум, как бы, по умолчанию, предпочитал исходить из признания их продуктивности, нежели оставаться в ситуации полной растерянности и непонимания. Ибо в них был ответ на неотступный жизненный вопрос — что конкретно нужно делать?

Причём, именно так, несмотря на закреплённую в общественном сознании зафиксированную ошибочность таких идей и решений, это *perpetuum mobile* до тех пор повторялось пока общество со временем окончательно не убеждалось в их недопустимо низком уровне эффективности или — того хуже — социальной разрушительности. И получается, что это возникающее с запозданием прозрение, оказывалось и продолжает оказываться прогностически неспособным предостеречь от таких — на определённом историческом этапе значимых — ответов.

Превратив свои гипотетические утверждения в научную основу концепции «бессознательного», З. Фрейд как практикующий психиатр и представил её миру специалистов и даже широкой общественности в виде *целенаправленного метода, начинающегося с обязательного выявления испытываемого личностью внутреннею конфликта*.

И, следовательно, *исходной задачей* психолога или психотерапевта становится необходимость *выявления в пациенте бессознательных переживаний* и представлений, что требует их вытеснения из сферы (бессознательного) в сферу его сознания. И только благодаря активизации сознания самого доведенного с помощью гипноза до состояния катарсиса пациента эта цель может быть достигнута. И так как делается всё это для блага *больного*, на психическом здоровье которого разрушительно сказывается невыявленный конфликт, и который, по определению, не может самостоятельно под-

чинить себе бессознательное, жёстко и обострённо проявляющееся в виде управляющих человеком влечений, то задача лечащего и состоит в том, чтобы суметь их перенаправить (сублимировать) в сферу сознания.

Судя по тому, что влечения, которые человек не может себе подчинить в силу того, что они проявления его сексуальной природы — эроса, или же — неконтролируемой устремлённости к ненависти, распаду, смерти, психолог и психиатр не только получают моральное право не считаться с духовно-нравственными потреями, которые неизбежно понесёт становящаяся безгранично внушаемой, теряющей волевою способность сопротивления внешним влияниям личность, но и, исходя из своего профессионального долга, неукоснительно обязаны помочь страдающему справиться с этим разрушительным конфликтом.

Но если нельзя не признать за наукой право исследовать любое явление, и трудно не согласиться с неотложным требованием, стоящим перед каждым врачом, психиатром и психотерапевтом, придти больному на помощь, и сделать всё необходимое для его излечения, то значит ли это, что можно абстрагироваться от тех или иных проблем и негативных последствий, порождаемых этими идеями и пропагандой используемых методов в массовом сознании?

И это — если судить по происходящему в социуме — не риторика, а вынужденная констатация множества социальных бед, характерных для нашей действительности и представляющих прямую угрозу психическому здоровью народа.

Буквально саранчовое распространение не знающих удержу экстрасенсов и всякого рода психологических шарлатанов, снимающих порчу, исцеляющих от всех болезней и гарантирующих личное счастье, вторгающихся в каждый дом с телевизионных экранов, приносящих в нашу жизнь множество личных трагедий, всё же ещё не самая страшная — что вынужденно приходится признать — наша беда.

Самая страшная беда, лишаящая в прямом смысле слова страну достойного исторического будущего в наглой агрессивности бесстыдства, по сути перечёркивающего всё то, что веками ценой огромных усилий вырывало человека из тисков полной зависимости от животных страстей и природных инстинктов. *Личное достоинство, интимный мир, гордость, честь, самоуважение, совесть, ответственность за каждый поступок и произносимое слово* — не только ушедшие из общественного лексикона слова, казалось бы, воплощающие в себе требования человека к самому себе, его духовно-нравственную основу, но и с открыто нескрываемого даже с телевизионного благословения ставшие просто до смешного ненужными в период безгранично торжествующего нового божешка — пиара.

И я позволю себе отметить, что моя мама, Рахиль Давидовна Турбовская, прошедшая путь от санитарки до хирурга, заместителя главврача полевого госпиталя в годы войны, а затем — главврача клинической больницы, разработавшая методику снятия стрессовых переживаний, продиктованных страхом современной женщины перед великим природным чудом — рождением ребёнка, утверждавшая, что раненые начали намного быстрее выздоравливать, когда наша армия начала наступать, и не понаслышке знающая о неопровержимости фактов неподчинения человека даже гипнотическим требованиям, если они противоречили убеждениям и нравственным установкам человека, именно в укреплении духовной стойкости и оптимистической убеждённости личности видела не только профессиональную обязанность врача, но и — как самое главное условие — неустраняемую ответственность государства за состояние психического здоровья общества.

И дело совсем не в том, чтобы скрывать от человека, как говорится, правду. Важно совсем другое — чем руководствоваться, решая эту сложнейшую проблему. Если, игнорируя самого человека, сколь угодно важными соображениями — дело одно, если, исходя из его личностных особенностей его психики — принципиально другое. И очень жаль, что в реальной действительности именно эти взаимоисключающие позиции, веками противостоящие друг другу, как не принимались во внимание, так и не принимаются..

А ведь эта корёжащая нашу жизнь альтернатива обусловлена фундаментальным непониманием принципиальных различий между реальной безгранично противоречивой во всех своих проявлениях действительностью и её вербальным отражением.

Любое социально значимое «слово» и даже научное «понятие» — при сколь угодно содержательной адекватности *отражения действительности* — не есть сама действительность. И «правда» как слово, как особое знание, жизненно необходимое человеку, в реальной действительности почему-то нередко становится самым разрушительным фактором социального бытия и исторического развития человечества.

Но моя мама, как я теперь понимаю, не только не была склона к философскому рефлексированию, а наоборот, любое, сколь угодно значимое и даже широко разделяемое мнение не принимала на веру, а проверяла — только и единственно — интересами конкретного больного. И только в этом видела свою профессиональную предназначенность врача, и исходила из несопоставимой первичности этого требования и сколь угодно прогрессивных идей и инновационных теорий.

И это я, отталкиваясь от её высказываний, позволяю себе теоретизировать. Но делаю я это потому, что именно её понимание столь сложной проблемы представляется не только актуальным, но и жизненно необходимым.

Оказывается, что смысловой разрыв между словом и отражённой в нём реальией как *объективной данностью* в человеческом сознании проявляется и заявляет о себе *принципиально по-разному*. Но при всех возможных различиях, определяемых огромным количеством факторов — образованностью, культурой, временем, конкретной социальной ситуацией, индивидуальными особенностями личности и т. д., в конечном итоге он сводится к трём основным проявлениям:

- **отождествлению слова и реалии**, исключающем для самого человека возможность понимания противоречивой сложности социального бытия¹;
- **гипертрофированию конкретных реалий**, исключающем для человека возможность проявления своей личной социальной активности²;
- **гипертрофированию роли слова**, порождающем веру, лишённую сомнений уверенность в достижимости выдвигаемой цели, принимаемом решении³.

Но это, так сказать, сугубо теоретическое, изначально обезличенное отношение к проблеме разрыва между словом и реальностью. Для конкретных людей — в их каждом принятом решении и совершённом поступке — смешение этих уровней настолько интегративно целостно, что будучи несводимым ни к одному из них, несёт в себе в разной степени выраженности признаки каждого из них.

И когда речь идёт о профессиональной ответственности врача всё теоретически возможное множество целей и принимаемых решений сводится только к одной — *больному, за здоровье которого ты отвечаешь*.

В этом — и только в этом — сконцентрирована ответственность, которую на твою профессию общество возложило, и значит — на тебя — врача. Только для этого тебя учили и нравственно готовили, И только в этом — твой и профессиональный и гражданский долг.

И поэтому ты можешь делать всё, ни с кем и ни с чем не считаясь, такое тебе — врачу дано великое в своей безграничности *право*. Единственное, чего ты как врач лишён и ни при каких обстоятельствах позволить себе не

¹ Надо признать, что отождествление отождествлению — рознь. В одних случаях это связано с недостаточностью жизненного опыта, что изначально исключает, к примеру, для подростка самую возможность разобраться в сложностях жизненных коллизий, и делит мир на два взаимоисключающих цвета, или же — в других случаях со всем тем, что воплощено в великой жизненной мудрости — «простота — хуже воровства», в сути своей выражаемой в требовании «Чего тут думать?! Действовать надо!»

² «Мы — люди маленькие», «Что — я? Я — как все», «Плетью обуха не перешибёшь», «Сила солому ломит» и т. д. — фразеологизмы, воплощающие суть этой позиции.

³ Особый вид авторитарной категоричности, проявляющийся на разных уровнях общественных отношений — политическом, организационно-управленческом, межличностном и т. д.

можешь — нарушить может самый великий из созданных человеком запретов — *не навреди!*

Не обществу, не государству, а — только и единственно — *этому конкретному больному.*

И что, по-моему, чрезвычайно значимо, ведя профессиональный разговор о Н. И. Пирогове или Николае Васильевиче Склифософском, она никогда не прибегала к пафосным оценкам их деятельности, а только как образцам выполнения ими своего долга врача. И именно поэтому необычайно высоко ценила творчество отечественного писателя и врача Викентия Викентьевича Вересаева, не только видевшего в этом каждодневном служении больному суть профессиональной предназначенности врача, но и сумевшего талантливо открыть душе и сердцу читателя самую невозможность для каждого избравшего эту профессиональную судьбу поступать иначе.

И именно поэтому, её буквально поражали даже немногочисленные факты проявления безразличия не вообще к здоровью, а к **психологическому здоровью**, изначально требующего, повторяюсь, особой, государственной обеспокоенности и гарантированной защиты.

«Как можно, — считала она, — публично в масштабах всего общества обсуждать вопросы здоровья, которые не имеют ещё требуемого научного решения?! Разве мы не знаем, что даже студенты-медики при изучении симптомов той или иной болезни находят их у себя?! Разве мы не знаем о существовании болезненно мнительных людей?! Ведь знание, создаваемое наукой, может оказаться не только непосильным грузом для них, но и фактором, буквально разрушающим психологическое здоровье общества! Разве может врач не учитывать, кто перед ним — женщина, впервые готовящаяся стать матерью или рожаящая третьего ребёнка, или готовящаяся стать матерью в молодом или зрелом возрасте? А ведь среди наших замечательных женщин есть и те, кто смертельно боится предстоящих родов, и кто действительно трудно рожал. А ведь это только самые, как говорится, простые жизненные примеры. И не понимать их значимости в жизни каждой женщины, считая, что можно вести с ними, такими разными — общие, не учитывающие этих различий беседы, значит не только действовать профессионально недопустимо, но и — что профессионально преступно — не оказывать каждой из них той помощи, в которой они действительно нуждаются, и которую кроме тебя — «просветителя», оказать некому». И эти негодующие размышления, завершались нескрываемо печальным выводом: «Неужели мы, победившие в столь страшной войне, не можем понять своей ответственности за каждое идущее от науки слово, вбрасываемое в медийное пространство?!»

Как я уже отмечал, она не была теоретиком, и говорила об этих сложных проблемах только потому, что сталкивалась с ними буквально на ка-

ждом шагу, и не могла не искать им объяснений.

Но, как оказалось, этим проблемам есть и собственно научное обоснование, которое, к сожалению, по сей день не играет той роли, которая буквально жизненно необходима. Ибо веду я речь о разработанной выдающимся отечественным физиологом П. В. Симоновым *информационной теории возникновения эмоций*, отвечающей не только на вопрос «что делать?», но и — неопровержимо — «чего делать нельзя!»

Нет необходимости глубоко вторгаться в эту фундаментальную теорию. Важно — в данном контексте — в чём суть совершённого открытия, позволяющего ответственно разобраться в сложнейшем процессе взаимоотношений научного знания и общественного сознания, и что тем более чрезвычайно актуально, когда речь идёт о бессознательном

В теории Павла Васильевича Симонова неопровержимо утверждается, что эмоция возникает — только и единственно — при наличии испытываемой человеком потребности. Нет потребности — нет эмоции, удовлетворена потребность — эмоция исчезает. При этом, острота возникающей эмоции определяется соотношением испытываемой потребности и дефицитом необходимой для её удовлетворения информации. Именно эмоциональная острота информационной составляющая потребности требует от человека её неотложного удовлетворения.

Естественно, чем сильнее заявляет о себе информационная потребность, тем острее ощущается *дефицит знаний*, необходимый для её прагматического удовлетворения.

И так как информация во всех своих проявлениях протекает на эмпирическом уровне, напрямую влияя на психику человека, то решение проблемы использования данной информации в мире социальных отношений жёстко зависит от особого критериального фактора, названного исследователем «мера незнания». И, следовательно, в тех случаях, когда эта «мера» неизвестна, или даже недостаточно определена, то, если руководствоваться профессиональным долгом и гражданской ответственностью, вопрос о широком распространении и использовании информации, порождающей такую потребность, даже ставится не может. И, тем более, быть использованной в широкой просветительской деятельности,

Помните, есть такая поговорка — «Бежать впереди паровоза», откровенно насмешливую суть которой, казалось бы, и объяснять не надо. Но в большинстве словарных определений она трактуется до удивления просто и без какой-либо насмешливости, как «стремление опережать события», «нарушать нормальный ход развития ситуации», «действовать преждевременно», и даже так: «Если не бежать, то все вопросы будут решаться по мере из возникновения».

Но я убеждён, что суть этой поговорки, не просто в понятном стремлении человека продуктивно или не очень «опережать ход развития событий», а в её нескрываемой насмешливости, откровенно выраженной в другой известной поговорке — «заставь дурака богу молиться он и лоб расшибёт».

Но, как представляется, при их несомненно насмешливой близости сущностно они различны. И если во второй осмеивается неуёмное рвение, то в первой — нечто более серьёзное и социально недопустимое. Конечно даже при не очень развитом воображении нетрудно представить не только, как смешно выглядит человек, стремящийся бежать впереди паровоза. А вот если бежать хоть и впереди этого самого паровоза, но только рядом, то движущийся паровоз будет представлять уже угрозу не для впереди бегущему, а для всех, кому не удастся увернуться.

И позволил я себе использовать и даже сопоставить эти откровенно издевательские поговорки не только потому, что в них отражено вековое отношение народа ко всем тем, кто даже из самых лучших побуждений стремится, как говорится, не подумав, как следует, опередить время, ибо не в насмешке над ними суть нашего обсуждения, а в тех страшных социально разрушительных последствиях, которые корёжат судьбы миллионов людей.

И очень жаль, что к числу именно таких людей не только можно, но и социально необходимо отнести даже представителей науки, которые считают возможным в современном медийном пространстве обсуждать нерешённые или недостаточно решённые научные проблемы, не задумываясь об оказываемом влиянии на психическое состояние общества. И всё сказанное, в первую очередь, относится и не может не относиться к проблеме бессознательного, затрагивающей *от имени науки* и всё общество в целом, и каждого отдельного человека.

И именно поэтому будет и должно быть научным сообществом признано, что не только недопустимо публично в медийном пространстве обсуждать нерешённые вопросы таких сложных и социально небезопасных проблем как бессознательное, не говоря уже о проскальзывающих в печати высказываниях о его главенствующей роли над сознанием человека, но и откровенно преступно.

К глубокому сожалению вынужден отметить, что на одном из федеральных телевизионных каналов состоялся очередной «шабаш ведьм», в котором казалось канувшего в Лету небезизвестного Кашпировского, лицо которого удивительно ассоциировалось с портретом Дориана Грея, героя романа Г. Уэльса, и которого изо всех сил преступно невежественные ведущие пытались, как говорится, по просьбам трудящихся, уговорить продемонстрировать своё гипнотезёрское мастерство публичного излечения от всех болезней.

...И может действительно пора всем нам осознать, насколько всё это социально разрушительно и страшно, а значит — недопустимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Турбовской, Я. С. (2012) Взаимодействие педагогической науки и системы отечественного образования как управляемый процесс. М. : Изд. центр ИЭТ. 276 с.

Дата поступления: 30.12.2017 г.

Турбовской Яков Семенович — доктор педагогических наук, профессор, заместитель заведующего лабораторией теоретической педагогики и философии образования Института стратегии развития образования Российской академии образования, заслуженный учитель Российской Федерации, председатель Совета директоров общеобразовательных школ России, президент Академии творческой педагогики. Адрес: 105062, Россия, г. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16. Тел.: +7 (495) 621-33-74. Эл. адрес: info@instrao.ru

Turbovskoy Yakov Semyonovich, Doctor of Pedagogy, Professor, Deputy Head, Laboratory of Theoretical Pedagogy and Philosophy of Education, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education; Honoured Teacher of the Russian Federation; Chairman, Board of Directors of General Schools of Russia; President, Academy of Creative Pedagogy. Postal address: 5/16, Makarenko St., Moscow, Russian Federation, 105062. Tel.: +7 (495) 621-33-74. E-mail: info@instrao.ru

Для цитирования:

Турбовской Я. С. Невыявленная парадоксальность «подсознательного» как гносеологическое предостережение и угроза общественному сознанию: позиция педагога [Электронный ресурс] // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 3. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/739> (дата обращения: дд.мм.гг.). DOI: 10.17805/trudy.2018.3.2